

Еще одна вещь, которую заметил старейшина Дунмэй, - это жадность Хань Цая; он безжалостно грабил каждую цель своей миссии.

Помимо того, что он высасывал столько шахт духовных камней, сколько мог найти, каждый раз, когда Хань Цай убивал или выполнял задания, он также забирал духовные камни или любые ценные вещи, которые были у его целей. Он посылал своих подчиненных с награбленными вещами к своей семье, чтобы они могли обменять их. Старейшина Дунмэй легко заметил, как члены семьи Хань обменивали вещи его жертв.

Старейшина Дунмэй подумал, что грабить цели - не самая лучшая идея, когда секта уже предоставляет ему столько ресурсов. Подумав о наказании Хань Цая, старейшина Дунмэй решил повысить уровень заданий; каждый месяц старейшина Дунмэй давал Хань Цаю задание с немного большей сложностью, которое Хань Цай выполнял без проблем.

С его культивированием и навыками он всегда был слишком силен для своих целей, и прежде чем они могли понять, что происходит, они были мертвы.

Но когда старейшина Дунмэй давал Хань Цаю сложные задания, он также беспокоился, что Хань Цай получит серьезную травму.

Старейшина Дунмэй пытался посылать защитников уровня формирования ядра и уровня золотого ядра, чтобы они тайно защищали Хань Цая во время миссий, но Хань Цай исчезал после выполнения заданий, и никто из защитников не мог его найти. Это беспокоило старейшину Дунмэй еще больше.

После того, как подобная ситуация произошла во время трех миссий, он позвал Хань Цая и сказал ему, что хочет назначить ему защитников, но Хань Цай исчезал после выполнения задания, и даже старейшины золотого ядра не могли его найти. Это было не очень хорошо, потому что его защитники должны были всегда знать, где он находится, на случай, если он попадет в неприятности.

Хань Цай лишь сказал, что ему не нужны защитники, в защите нуждаются его цели.

Старейшина Дунмэй не поверил ему. Он считал Хань Цая самоуверенным мальчишкой, который не знает последствий своих действий и поймет их только тогда, когда на него нападут или он попадет в засаду.

Но старейшина Дунмэй был не готов к такому риску; секта вложила много средств в этого золотого гуся.

Пока старейшина думал, как убедить Хань Цая оставить с ним защитников, вдруг чья-то рука коснулась его плеча. Обернувшись, старейшина Дунмэй увидел, что это Хань Цай трогает его за плечо.

Старейшина Дунмэй чуть не растерялся.

Он перевел взгляд на место, где стоял Хань Цай, но там никого не было.

Старейшина Дунмэй был в недоумении, потому что Хань Цай был у него перед глазами, когда его тронули за плечо. Это означало, что Хань Цай был одновременно и перед ним, и позади него.

Хуже того, даже его духовное чувство не могло определить, когда Хань Цай исчез спереди и снова появился позади него.

Успокоившись, Дунмэй понял, что слова Хань Цая были правдой, и что он больше не нуждается в защите; в защите нуждались его цели.

Вскоре мастер секты также узнал, как его ученик играет с Дунмэйем, и хотел отругать Хань Цая за его поведение, но он также почувствовал гордость за то, что его ученик настолько опытен и силен, что может перехитрить даже самого опытного старейшину Дунмэйя.

Обитель Хань Цая.

Сыграв на флейте, Хань Цай вышел в сад с террасы своей пещерной обители. Флейта влетела в его тело и вошла в его дантянь через пальцы. Флейта медленно восстанавливалась, так как Хань Цай играл на ней каждое утро. Он хотел как можно скорее вернуть это невероятное сокровище, ставшее частью его самого.

Хань Цай заметил Юннзя, убирающего снег в саду. Юннзя, который раньше был ядовитым старейшиной внешней секты, теперь был дворецким в покоях Хань Цая.

Став подчиненным Хань Цая, Юннзя не превратился в человека без мыслей и эмоций. Вначале, хотя он и был предан Хань Цаю, он много жаловался в мыслях, и особенно он проклинал тот день, когда к нему пришел основной ученик Цян и попросил его сделать яд, чтобы убить Хань Цая. После этого его жизнь перевернулась с ног на голову.

Больше всего его раздражало в этой ситуации то, что он даже не совершил преступления и отбывал за него срок, так как все еще ждал яд; он еще не прибыл и даже не начал готовить, когда старейшины дисциплинарного зала задержали его и учеников его фракции.

Его и учеников его фракции допрашивали под воздействием благоволий, после чего пришли люди в черных одеждах, которые, как он узнал позже, принадлежали к темному залу, и нанесли на них клеймо раба-зверя, а медальон контроля отдали ученику внутренней секты Хань Цая.

Всякий раз, когда он убирал сад с метлой в руках, он качал головой в разочаровании от того,

как низко пал могущественный старейшина внешней секты.

Но по мере того, как он служил Хань Цаю, он понял, что его босс совсем не похож на обычных основных учеников. Хань Цай никогда не называл его своим рабом, а только подчиненным.

Вскоре Юннянь понял, что подчинение Хань Цаю - это лучшее, что с ним когда-либо случилось. Он узнал, что Хань Цай был очень загадочным. Чем больше он понимал Хань Цая, тем более непостижимым казался ему Хань Цай.

Хань Цай даже помог ему улучшить культивацию.

Со временем Юннянь начал испытывать глубокое почтение к своему боссу. Даже не осознавая этого, старейшина внешней секты Юннянь полностью превратился в дворецкого Юнняня. Когда он убирался в сад, то делал это с усердием.

Придя в сад, Хань Цай сел. Вскоре служанка блондинка принесла в сад чай для Хань Цая. Пока Хань Цан потягивал чай, она пристально смотрела на него, словно хотела заговорить с ним. В ее глазах читалось восхищение. Хань Цай знал, как его обаяние действует на девушек, поэтому он не обратил на нее внимания и спокойно пил свой чай.

Служанка была не кто иной, как Сяююнь.

Хань Цай не собирался оставлять ее у себя. Но для мастера секты она все еще была его ученицей. Мастер секты был обеспокоен. Если бы ее оставили во внешней секте в качестве ученица в серой одежде, зная, насколько прогнили старейшины внешней секты, если бы что-то случилось, был бы еще один скандал.

Когда было принято решение о наказании Сяююнь, что она будет служить в качестве ученицы в серой одежде, мастер секты обнаружил, что у него есть только два варианта: либо оставить Сяююнь с ним, либо отправить ее служить Хань Цаю. Он боялся, что если увидит ее снова, то из-за любви к своей ученице может простить ее, что противоречило правилам секты и его морали.

Поэтому мастер секты лично посетил Хань Цая и попросил Хань Цая взять Сяююнь в свою обитель в качестве служанки на сорок лет.

Хань Цай спросил его, уверен ли он, и сказал, что когда мастер секты в следующий раз увидит Сяююнь, это будет ее труп, если Сяююнь попытается сделать что-нибудь коварное. Лучше бы мастеру секты отправить ее во внешнюю секту или выгнать из секты.

Мастер секты знал, что Хань Цай по какой-то причине стал безжалостным, но все равно считал, что лучше отправить ее в обитель Хань Цая, а не во внешнюю секту. Он знал, насколько осторожен его ученик и как сильно Хань Цай уважает его. Даже если Хань Цай

говорил, что убьет Сяюнь, мастер секты был уверен, что его ученик не убьет ее, и максимум, что он сделает, это вырубит ее, прежде чем она попытается сделать что-нибудь коварное. Добросердечный мастер секты искренне верил, что раз она была старшей сестрой Хань Цая, то Хань Цай ни за что не обидит ни его, ни ее, даже если она будет отбывать наказание в качестве служанки.

Чтобы убедить Хань Цая, мастер секты попытался объяснить, что она никак не сможет сговориться против него, потому что все слуги в его пещерной обители имели рабскую метку, и они не могли предать его. Даже если бы у нее не было рабской метки, она не могла бы покинуть его пещерную обитель, чтобы сговориться против него; для заговора ей нужно было выйти за пределы его пещерной обители, а ее передвижение и культивация были ограничены. И теперь, когда Хань Цай был силен, она никак не могла причинить ему вред. Она была простой смертной, в то время как он был одним из сильнейших культиваторов во всей секте.

Кроме того, Темный зал и дисциплинарный зал весь день следили за передвижениями его слуг, и даже еду, принесенную Хань Цаю, проверяли. Поэтому она никак не могла причинить ему вред.

Хань Цай по-прежнему отвергал мастера секты. Его не интересовали подобные драмы.

Но мастер секты продолжал ныть о том, что у него всего два ученика, они - его семья, один из которых сбился с пути. Если они не будут помогать друг другу, он будет чувствовать себя неудачником как мастер. Он пытался эмоционально шантажировать Хань Цая, чтобы тот позаботился о Сяюнь. Но Хань Цай не сдвинулся с места.

В конце концов, мастер секты встал и собирался поклониться Хань Цаю и попросить его, несмотря на то, что он был мастером Хань Цая.

Неважно, насколько Хань Цай стал хладнокровным за последние несколько лет, он был многим обязан своему мастеру, и он не мог позволить ему умолять своего ученика.

Наконец, Хань Цай сдался. Неважно, что мастер секты был его мастером, все, что он имел сейчас, было благодаря мастеру секты. Поэтому, чтобы избежать еще большей драмы со стороны своего мастера, он принял Сяюнь.

Но Хань Цай не собирался развлекать девушку; если он увидит какие-либо признаки того, что она сбивается с пути, он просто покончит с ней и пойдет дальше.

Вот так, помимо дворецкого Юннзя, в доме Хань Цая появилась служанка Сяюнь.

<http://tl.rulate.ru/book/85781/2884804>